
И. А. БРОДСКИЙ: PRO ET CONTRA
ИОСИФ БРОДСКИЙ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ
История и современность отечественных и зарубежных рецепций и
интерпретаций

УДК 821.161.1.94

Азаренков Антон Александрович,
кандидат филологических наук,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург)
Email: aazarenkov@hse.ru

ДОКТРИНАЛЬНОЕ И ПОЭТИЧЕСКОЕ В ТВОРЧЕСТВЕ
ИОСИФА БРОДСКОГО И ОЛЬГИ СЕДАКОВОЙ¹

В работе сопоставляются авторские поэтические теории Иосифа Бродского и Ольги Седаковой. Предметом сравнения послужила рефлексия Бродского и Седаковой над тем, как христианская культура взаимодействует с их поэзией. В первой части статьи рассматриваются биографические предпосылки формирования христианского мировоззрения у этих авторов, а также их высказывания относительно друг друга. Затем проводится анализ основных аспектов их поэтологии, которые имеют отношение к религиозной тематике.

Ключевые слова: поэтология, христианство, русская неподцензурная поэзия, религиозная поэзия.

Azarenkov Anton A.
Candidate of Sciences in Philology,
National Research University
Higher School of Economics,
Russian Christian Humanitarian Academy (SPb.)
Email: aazarenkov@hse.ru.

DOCTRINAL AND POETIC IN THE WORKS OF JOSEPH BRODSKY
AND OLGA SEDAKOVA

This article compares the authorial poetic theories of Joseph Brodsky and Olga Sedakova. The subject of the comparison is Brodsky's and Sedakova's reflection on how Christian culture interacts with their poetry. The first part of this article examines the biographical background to the formation of the Christian worldview of these authors, as well as their statements about each other. This is followed by an analysis of the main aspects of their poetology that are relevant to religious themes.

Keywords: poetology, Christianity, Russian uncensored poetry, Soviet underground poetry.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01671, <https://rscf.ru/project/22-28-01671/>; Русская христианская гуманитарная академия.

Для начала заметим, что проблема «Иосиф Бродский и Ольга Седакова» отнюдь не нова. Среди наиболее важных работ, посвященных сравнительному анализу творчества поэтов, в первую очередь стоит назвать докторскую диссертацию Н. Г. Медведевой «Поэтическая метафизика И. Бродского и О. Седаковой в контексте культурной традиции», защищенную еще в 2007 году [6]. Медведева, на наш взгляд, вполне убедительно доказывает сходство этих двух поэтических систем, опирающихся, впрочем, на разные мировоззренческие основания. В диссертации также затрагивается тема влияния христианской мысли на творчество обоих поэтов, преимущественно применительно к Седаковой, но основное внимание ученого сосредоточено на выявлении дискурса «метафизичности» в поэзии Бродского и Седаковой, а также анализе его эстетико-философских истоков.

Некоторые параллели между идеями Бродского и Седаковой проводит и И. Б. Ничипоров в обзорной статье «Поэтология Ольги Седаковой». Так, в частности, возводя христианскую мысль Седаковой к философской критике начала XX века, автор резко размежевывает ее с религиозными интуициями Бродского, отмечая, впрочем, некоторое сходство между двумя поэтами в «восприятии языка как бытийной категории» [7, с. 61] — оба эти утверждения будут дискутироваться в нашей статье.

В работах общетеоретического характера имена Бродского и Седаковой также нередко стоят рядом — таково, например, исследование О. С. Агапоновой «"Метафизическая" лирика: основные дефиниции в современном литературоведении». Вписывая эти имена в длинный перечень поэтов, которых принято называть «метафизическими», Агапонова приходит к выводу об интенциональной схожести их художественных миров [1, с. 147], другими словами, к выводу о неизбежности концептуальных перекличек между «метафизическими» поэтами, в то числе и между Бродским и Седаковой.

Можно выделить ряд (правда, небольшой) и специальных статей, раскрывающих семантику того или иного мотива или образа в творчестве этих поэтов. Некоторое касательство к нашей теме имеет штудия П. Е. Спиваковского «Образы пост-смерти в поэзии Иосифа Бродского и Ольги Седаковой». Эти образы автор у каждого из поэтов трактует по-разному: у Бродского — в символическом и аллегорическом ключе, у Седаковой — в христианско-спиритуалистическом [15, с. 152–153], приходя к идее «онтологической несовместимости» этих поэтик.

Итак, два наиболее теоретизирующих русских неподцензурных автора попросту не могли не привлечь внимание компаративистов. Но, насколько нам известно, еще не существует работы, посвященной рассмотрению христианской темы в поэтологии и поэтическом творчестве Бродского и Седаковой. Наше эссе ни в коем случае не претендует на исчерпание этой, по сути, центральной для обоих поэтов темы, но все же дает некоторое представление о том, как Бродский и Седакова видят взаимоотношение поэзии и религии, в чем они в этом вопросе сходятся, а в чем радикально разнятся.

В 1989 году на вопрос В. П. Полухиной, можно ли провести между творчеством Бродского и Седаковой «прямую линию», Седакова ответила вполне определенно: «Если только косвенную. Или от противного (от Евтушенко, скажем)» [9, с. 221]. Седакова нередко высказывает свое умеренно критическое отношение к Бродскому, предпочитая для себя соседство иных поэтов. Тем не менее, прямое сопоставление Бродского и Седаковой не представляется нам ни умозрительным, ни чем-то специальным. Бродский и Седакова принадлежат к близким литературным поколениям: 1940 и 1949 гг. рождения соответственно. Оба — поэты «второй культуры» СССР 60-х — начала 70-х гг. с ее постулированием личной свободы, вниманием к «последним вещам» бытия, уходом в мировую культуру, интеллектуальным голодом и поиском, если воспользоваться определением самой Седаковой, «обновляющих архаизмов» в области формы [9, с. 224].

Признаваемый круг поэтических влияний у обоих авторов практически идентичен (от Донна до Элиота; однако в этом списке весьма сдержанной оценки со стороны Седаковой удостоиваются важнейшие для Бродского авторы: Цветаева, Кавафис, Оден).

И Бродского, и Седакову роднит установка на интеллектуализм, кроме того, оба поэта выступают и как тонкие теоретики литературы, и как философы. Это одни из самых дискурсивных и систематических авторов позднесоветской неофициальной культуры. Ныне же Седакова в основном и выступает как эссеист, практически не публикуя новых стихов.

Очевидно, что Бродский для всей неподцензурной поэзии — фигура центральная, если не символическая. Как часто говорит Седакова, после отъезда Бродского многие авторы более младшего, то есть ее, поколения напрямую соотносили себя с его творческой манерой — то как эпигоны, то как последовательные критики. Как мы покажем далее, этот логический закон «исключенного третьего» не работает в случае с Седаковой, всегда выбирающей, как она сама любит повторять, точку зрения, равноудаленную от обеих крайностей. Однако эта не-обходимость Бродского объясняет его присутствие в мысли и творчестве Седаковой — прямо или неназываемо, но вполне различимо.

В целом же, несмотря на схожесть основных предпосылок, Бродский и Седакова всегда были весьма обособлены друг от друга, и их единственная личная встреча, случившаяся в Венеции в декабре 1989 года [14, т. 3, с. 489], — яркое тому подтверждение. Перед нами два равнозначных поэта-мыслителя, в чем-то пересекающихся, но чаще — альтернативных друг другу. Тем интереснее сравнивать их на, казалось бы, примиряющей территории христианства.

И Иосиф Бродский, и Ольга Седакова выросли в обычных, как они оба пишут, советских семьях. «Обычность» эта выражалась в полном равнодушии к вопросам веры и, судя по всему, на этом и заканчивалась. Еврейство как социальная стигма в случае с Бродским, и ранние детские годы, проведенные в китайской школе, в случае с Седаковой — выделяют обоих авторов на «обычном» социалистическом фоне. Начальные уроки христианства поэты получили от «бывших», то есть «старорежимных», людей [11, с. 425–427]. Однако первое соприкосновение с православием у Седаковой произошло еще в полусознательном детстве — этому способствовала бабушка, научившая внуку понимать язык богослужебных текстов [13]. Бродский же, по собственному признанию, до 22-х лет считал себя «нормальным советским молодым человеком», «дикарем во всех отношениях», пока в его жизни не появилась Ахматова: «Если мне и привились некоторые элементы христианской психологии, то произошло это благодаря ей, ее разговорам, скажем, на темы религиозного существования» [2, с. 120].

Путь Седаковой в христианстве довольно последователен: в советские годы она принадлежала сразу к трем кругам неофициальной культуры — литературному, академическому и церковному — и нередко выступала посредником между этими, обычно сторонящимися друг друга, сообществами. С 1996 года Седакова является членом попечительского совета Свято-Филаретовского православно-христианского института; в 1998 году единственная из всех русских литераторов получила премию «Христианские корни Европы» имени Владимира Соловьева из рук папы Иоанна Павла II; с 2003 года Седакова носит звание доктора богословия и в наше время нередко становится героем интервью и публичных дебатов, связанных с вопросами веры, церковной жизни и морали. Несмотря на то, что время от времени раздаются голоса об «экуменизме» Седаковой [5], [8, с. 517–521], сама поэтесса прямо называет себя православной, «обыкновенной прихожанкой ближайшего храма» [11, с. 391–391].

Что касается христианства Бродского, хорошо известна его колеблющаяся позиция, граничащая с агностицизмом. В доэмигрантский период Бродского, как и большинство представителей литературного подполья тех лет, можно отнести к представителям так называемой «бедной религии» (понятие, придуманное М. Н. Эпштейном для неритуализированных, стихийно-творческих поисков Бога [16]; к слову, еще один термин Эпштейна, *метареализм*, с легкой руки создателя теперь часто — и не вполне справедливо — применяется к поэзии Седаковой [17, с. 166]). В эмиграции Бродский часто уходил от ответов на вопросы своих интервьюеров о религиозной идентичности, иногда называя себя

кальвинистом [4, с. 43], что ни слушателями, ни, кажется, самим поэтом всерьез не воспринималось. Поэт похоронен на протестантском кладбище на острове Сан-Микеле не в последнюю очередь потому, что ни православная, ни католическая стороны не увидели достаточных оснований считать Бродского «своим».

Итак, обилие христианских цитат и образов в творчестве Седаковой продиктовано жизненной практикой, кругом чтения и филологических интересов. Седакова — переводчик Синайского патерика, автор словаря «Трудных слов из богослужения» [10], ряда работ о литургической поэзии и православной обрядовости [12]. Бродский же, очевидно, использует христианство как универсальный, общеевропейский культурный код.

На вопросы же зачем и как он это делает, нам позволяют ответить некоторые положения его поэтологии. В своих эссе Бродский не только гипостазировал, но и обожествлял Язык. В Языке поэт видел разумную силу, проявляющую себя в том или ином качестве в творчестве разных поэтов. Именно Язык побуждает чуткого автора к письму. Эта сила влияет как на частную жизнь пишущего, так и развитие всей истории — подобно античному фатуму или библейскому Святому Духу. Закономерно, что в христианской — даже не религии, а фразеологии — Бродский особенно выделяет, а затем активно использует в своих размышлениях сопоставления Языка, Времени и Бога [3, т. 5, с. 260]. Язык, дистиллированный и «ускоренный» поэтической композицией, всегда стремится, по Бродскому, к состоянию Слова, своему максимально уплотненному, сверхкультурному бытию. Очевидно, что и образ Христа, воплощенного Слова, для Бродского выступает аллегорией абсолютной целостности, невозможной вещью в мире тотального распада; Бродский пишет об этом в прозе, но выразительнее всего, вероятно, в стихах: «Только то и держится на гвозде, / что не делится без остатка на два» («Римские элегии»).

Главным же принципом композиции, «выталкивающей» поэта к Слову, называется центробежность — поступательное смысловое расширение. На уровне системы образов это означает дозволение себе довольно свободного обращения с некоторыми христианскими константами, такими как Рай, Ад, ангел или Христос. «Идея Рая есть логический конец человеческой мысли в том отношении, что дальше она, мысль, не идет; ибо за Раем больше ничего нет, ничего не происходит. И поэтому можно сказать, что Рай — тупик» [3, т. 7, с. 72] (и далее поэтическому языку предписывается санкция преодолевать этот тупик, говорить о чем-то «дальше» Рая. Это одна из самых часто повторяемых мыслей в поэтологии Бродского, очень рано нашедшая воплощение в стихах: «Большая элегия Джону Донну», где душа поэта Донна, т. е. его дар, поднимается выше Бога, написана уже в 21 год).

«Пишущий под диктовку Языка» обязан «дovести образ до логического конца», сделать «следующий шаг», что в ряде случаев означает отход от догмы [2, с. 61–62]. Тем не менее, христианская ценностная система (и ее трансгрессия) не являются в теории Бродского исходной точкой развития стихотворения — напротив, «сильные» библейские образы Бродский прибегает для финала. «Система христианства замечательная парадигма, которой пользуешься в своем творчестве. Это такие архетипические ситуации, которые как бы расширяют понятия» [2, с. 615]. Бродский недвусмысленно отводит христианству сугубо художественную роль. Очевидней всего эта тенденция завершать свои тексты христианской цитатой или аллюзией проявляется в так называемых «больших стихотворениях» Бродского, в полной мере реализующих претензии поэта на языковую всеохватность и гармонизацию мира.

Часто тема христианства появляется в тех местах интервью поэта, где он комментирует собственное чтение (называя его подражающим литургическим интонациям), сравнивая свою манеру с пением псалмов [2, с. 142]. По Бродскому, стихотворение звучит, поется, поэтому не терпит тишины, умолчаний и пауз, являясь «искусством красноречия» [3, т. 7, с. 166]. В этой связи любопытен комментарий по поводу авторского чтения, данный Седаковой в эссе о Пауле Целане. Она утверждает, что в полной мере понять и, следовательно, перевести стихи Целана на русский язык ей помогла кассета с записью голоса поэта. В этом голосе

удивляла «свобода... от лирической одержимости. Это не был уход от музыкальности — но включение другой музыки: другой, и совсем неожиданной. Ровные звуковые волны; тихие, как бы снисходящие, шадящие мягкие тоны — так взрослые говорят детям» [14, т. 2, с. 529]. Седакова не раз возвращается в своей прозе и интервью к этому акустическому образу «укрощенного сообщения» порогового опыта и, думается, это и является лучшим комментарием к ее собственному способу чтения стихов. Закономерно, что Седакова не может, подобно Бродскому, считать свои стихи «искусством красноречия», ища в них противоположного: «Слово для меня окружено как бы большой зоной белизны или молчания. Молчание в словах — исихастический принцип... это для меня предел поэзии» [9, с. 220].

Богословские термины «исихазм», «кенозис», «апофатика» часто звучат у Седаковой, а с недавнего времени — и у ее исследователей (целый раздел сборника статей, посвященных Седаковой, так и называется: «Поэзия и богословие» [8]). Но при сопоставлении с Бродским важнее, конечно, другое — отношение к идее «божественности» Языка. Седакова признает за языком лишь орудийную функцию, систему знаков для выражения несловесной психической — если не духовной — реальности. С этим справляется любое искусство, но поэзия попросту доступней (напомним, что Бродский считал поэзию не только «высшей формой существования языка» и лучшим из искусств, но и человеческой «видовой целью» — см. знаменитую «Нобелевскую лекцию»). За хорошей поэзией, по Седаковой, стоит что-то иное. Она пишет об этом в прозе, но выразительней всего, вероятно, в стихах:

Я только в скобках замечаю: свет —
достаточно таинственный предмет,
чтоб говорить Бог ведает о чем,
чтоб речь, как пыль, пронзенная лучом,
крутилась мелко, путано, едва... Н
о значила — прозрачность вещества.
(«Пятые стансы»).

Это отрывок из стихотворения Седаковой, имеющего подзаголовок «De arte poetica», искусство поэзии. Кстати, к образу речи, как пыль, кружащейся в луче, Седакова еще раз прибегнет в интервью о Бродском («Композиция его длинных вещей — пластический портрет преходящести, бренности, уравниности важного и неважного. “Все пройдет” — говорит для меня эта как бы размагниченная форма, кружение пыли, частиц в луче» [9, с. 223].

Значит, поэзия, по Седаковой, не может быть центробежной, хотя бы потому, что в этой художественной системе есть вполне определенный центр. Оппозиция «центробежный — центростремительный» по отношению к поэзии встречается в эссеистике и интервью Седаковой и что примечательно — без упоминания имени Бродского, казалось бы, апроприировавшего эти смыслы в русской словесности конца XX века (еще один пример скрытого диалога поэтов). Идеальной моделью центростремительной поэзии Седакова считает Рай «Божественной комедии», восходящий концентрическими кругами к божественной точке. Бродский также называл некоторые свои стихи «центростремительными», прежде всего «Рождественскую звезду» [2, с. 603], заканчивающуюся так:

Внимательно, не мигая, сквозь редкие облака,
на лежащего в яслях ребенка издалека,
из глубины Вселенной, с другого ее конца,
звезда смотрела в пещеру. И это был взгляд Отца.

Здесь поэты соглашаются друг с другом.

И Бродский, и Седакова с одинаковой ревностью обрушиваются на так называемую религиозную поэзию, перекладывающую в стихи общие места священных текстов. От Бродского больше всего достается «провинциальным визионерам» [3, т. 6, с. 166] и всем спекулирующим на мистическом опыте, от Седаковой — разного рода косным традиционалистам, не много не мало нарушающим одну из десяти заповедей — «помянуть всеу» [9, с. 219]. Оба поэта считают, что живой религиозный смысл в стихотворении должен быть выражен иначе: разрушен и собран заново, согласно Бродскому, и перенесен в умолчание, в «семантическую вертикаль слова», в особую интонацию, согласно Седаковой. Критикуя Бродского за лингводицею, за «христианство без Христа», Седакова все же отмечает в его стихах присутствие единого стержня, внутреннего достоинства, который она связывает с чувством непрестанной памяти о смерти, «барочной травмой тления» [14, т. 3, с. 500] и сетует, что за этим Бродский не замечает — отказывается замечать — доброкачественность бытия; что за стихией уносящего времени поэт не видит его созидательной силы. Однако эта ценностная цельность выгодно отличает Бродского от его эпигонов и сообщает, по Седаковой, его стихам особенный *эмос* [9, с. 223].

Тут-то, в дихотомии этики и эстетики, и пролегает главное различие авторов. Бродский настаивал на главенстве эстетики над этикой; в его лекциях и эссе содержится множество оригинальных советов по улучшению выразительности поэтического текста. Седакова же называет красоту и принцип формы «памятью о Рае», что близко подходит к платоновскому «анамнезису». В разговорах об искусстве поэзии Седакова часто обращается к этической стороне поэзии, ссылаясь, например, на средневековые «Поэтрии». Так, поэт должен обладать «легким сердцем», т.е. «возможностью из печальных тем и сюжетов сделать прекрасное сочинение. Соответственно, чем печальнее тема, с которой справляется поэт, тем этот поэт больше одарен “легким сердцем”. Тот, у кого оно есть легко принимает подарки. Еще один обязательный для поэта дар — “нежная дума”. Это умение видеть перед собой отсутствующий предмет — и глядеть на него, любуясь» [11, с. 480–481]. Другими словами, Седакова акцентирует внимание не на словесном, как Бродский, а на *дословесном* этапе поэтической работы.

В целом же, оба поэта, расходясь, казалось бы, в самих основах своей поэтической мысли, глубинно связаны между собой — хотя бы общностью затрагиваемых вопросов. И их творчество являет собой не два полюса, но точку, равноудаленную от всех крайностей.

Литература

1. Агапонова О. С. «Метафизическая» лирика: основные дефиниции в современном литературоведении // Филологический класс. Екатеринбург. 2020. №3 (25). С. 141–149.
2. Бродский И. А. Большая книга интервью. 5-е изд., испр., доп. М.: Захаров, 2011. 784 с.
3. Бродский И. А. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001–2003.
4. Волков С. М. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Независимая газета, 1998. 327 с.
5. Корчагин К., Ларионов Д. Хрестоматия андеграундной поэзии. URL: <https://arzamas.academy/materials/1243>
6. Медведева Н. Г. Поэтическая метафизика И. Бродского и О. Седаковой в контексте культурной традиции: автореф. дис. ... д. филол. наук. Ижевск, 2007. 38 с.
7. Ничипоров И. Б. Поэтология Ольги Седаковой // Русистика без границ. София, 2020. № 1 (4). С. 55–62.
8. Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения. Сборник научных статей. М.: НЛО, 2017. 552 с.
9. Полухина В. П. Бродский глазами современников: сб. интервью. СПб.: Журнал «Звезда», 1997. 336 с.
10. Седакова О. А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2008. 432 с.
11. Седакова О. А. Вещество человечности: Интервью 1990–2018. М.: НЛО, 2019. 648 с.

12. *Седакова О. А.* Мариины слезы. Комментарии к православному богослужению. Поэтика литургических песнопений. М.: Благодетельство Издательство, 2017. 164 с.
13. *Седакова О. А.* Трудные слова богослужения: как появился словарь — рассказывает Ольга Седакова. URL: <https://www.pravmir.ru/trudnye-slova-iz-bogosluzheniya-kak-poyavilsya/>
14. *Седакова О. А.* Четыре тома. М.: РФСОиН, 2010.
15. *Стиваковский П. Е.* Образы пост-смерти в поэзии Иосифа Бродского и Ольги Седаковой // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение, языкознание, культурология. 2021. № 7. С. 141–165.
16. *Эпштейн М. Н.* Постатеизм, или Бедная религия // Октябрь. 1996. № 9. С. 158–165.
17. *Эпштейн М. Н.* Постмодерн в русской литературе. М.: Высшая школа, 2005. 494 с.